

Орнота Таняна

Тьма
придет
за
тобой

Татьяна Осипова

**Тьма придет за тобой.
Психологический ужас**

«Издательские решения»

Осипова Т.

Тьма придет за тобой. Психологический ужас / Т. Осипова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740980-7

Оливер Кукс жил обычной жизнью, пока появившийся демон не разрушил его мир, уничтожая всех, кого любил он, всех, кто был ему дорог. Оливер отчаянно борется, не понимая, что становится пешкой в расчетливой игре повелителя суккубов. В какой-то момент главный герой верит, что самое страшное позади. Однако, с рождением дочери все меняется, и тьма снова начинает свою охоту.

ISBN 978-5-44-740980-7

© Осипова Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1 глава	6
2 глава	10
3 глава	15
4 глава	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тьма придет за тобой Психологический ужас

Татьяна Осипова

Дизайнер обложки Сергей Геннадьевич Осипов

Иллюстратор Татьяна Викторовна Осипова

© Татьяна Осипова, 2018

© Сергей Геннадьевич Осипов, дизайн обложки, 2018

© Татьяна Викторовна Осипова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-0980-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Остров демона

1 глава

Моя жизнь. Она давно не приносит мне, ни печали, ни радости, только светлые блики воспоминаний, навещающих время от времени.

Меня зовут Оливер Фил. После того, как я попал в автомобильную катастрофу, моя жизнь стала напоминать пустой, ватный, без запаха и вкуса пудинг. Я прикован к инвалидному креслу. Парализованный неудачник, именуемый «овощем».

Боже, сколько раз я просил тебя, забери мою никчемную жизнь. Но ты глух. Ты давно отвернулся от меня. Наверное, ты забыл о моем существовании или просто умер? Я перестал верить в тебя. Мне хочется одного – умереть.

– Оливер, – моя жена, все еще возившаяся со мной, привела какого-то нового врача, – познакомься, это доктор Крисс.

– Добрый день, мистер Фил, – доктор сел напротив меня. Еще один тип, каких много. Потертый пиджак, залысины на голове и на ладканах этого самого пиджака. Худое лицо, с пронизательным, буравящим взглядом. Как же мне хотелось послать его к черту, однако я этого не мог сделать, так как язык не поворачивался в моем парализованном рту. С губ стекала слюна, я был отвратителен, пах потом и дерьмом, но моя жена помнила, что она единственная наследница, и я не верил в искренность ее чувств. Не верил в мое волшебное излечение и чудо, о чем любила повторять Анна. Больше не верил в Бога.

Врач долго осматривал меня. С такой тщательностью, словно я был объектом его будущих исследований. Мистер Крисс в этот же вечер отвез мое тело в свою частную клинику, где пообещал Анне поставить меня на ноги. Я сопротивлялся, как мог, но от этого становилось только хуже. Моя голова трещала, как спелая тыква, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Тошнота грозила наполнить рот желчью, и я попытался взять себя в руки. Внутренне усмехнулся мой демон, дремавший где-то за ребрами – в месте, которое можно назвать душой. Теперь у меня осталась только возможность двигать глазами, все остальное, словно сломанный механизм, перестало слушать своего владельца.

– Мистер Фил, – начал доктор Крисс, когда мы приехали в его клинику, – я не обещаю вам, что смогу поставить вас на ноги, но то, что я помог многим – это факт, причем неоспоримый. Я вижу в ваших глазах недоверие и страх...

«Какой к черту страх!» – возмутился я, а доктор, кивнув, похлопал меня по плечу.

– Оливер, можно я буду называть вас по имени?

«Что тебе нужно от меня, чертов придурок?!» – я был вне себя от гнева.

– Оливер, вам многое не понятно, но я хочу все объяснить. Многие годы мне приходилось заниматься психиатрией и травматологией, а также парапсихологией. Ваш случай уникален. Можете мне не верить, но вы – совершенно здоровы, все ваши жизненные показатели говорят об этом. Ваше состояние – плод психической травмы, истоки которой мы должны выяснить. И, думаю, со временем нам это удастся.

«Когда же ты, идиот с козлиной бородой, оставишь меня в покое»!

– Оливер, – доктор как-то странно посмотрел на меня, словно понимал, что я обо всем этом думаю, – давайте обойдемся без оскорблений. «Чертов придурок» или «идиот с козлиной бородой», не надо, просто режет слух.

Моя кожа, давно ничего не чувствовавшая, покрылась мурашками. Доктор сел напротив и посмотрел на меня в упор, потом, вынув платок из кармана, вытер слюну, стекавшую с моих губ.

– Я думаю, мы подружмся, Оливер, но вы должны понимать, что не только мне необходимо набраться терпения.

«Я понял», – мысленно ответил я и закрыл глаза.

– Вот и славно, – доктор Крисс похлопал меня по плечу. – Сегодня же и начнем...

Воспоминания ворвались в мою голову, словно стая бешеных волков. Грани реальности раздвинулись, уступая место прошлому. Я все еще слышал голос доктора Крисса, который становился все тише, будто тая в тишине того места, где я очутился. Я не знаю, не могу вспомнить, как попал сюда. Поежившись, я натянул на себя одеяло и, открыв глаза, увидел незнакомца, который сидел на стуле возле моей кровати. Лицо чужака было скрыто ночью, лунный свет поливал светом его крупные руки и кольцо на безымянном пальце правой руки.

– Проснулся, щенок, – усмехнулся незнакомец.

На мгновение его лицо, со следами ожогов на правой стороне, вынырнуло в лунный свет и заставило меня отпрянуть.

– Где я? – непонимающе отшатнулся я от этого гнусного человека.

– Ты в аду, парень.

– Что это за место? – страх медленно приближался, и теперь я вспомнил его имя.

Тэо Джанко. Охотник за деньгами. Здоровенный детина с копной волос ржавого цвета. Он появился в нашем доме незадолго до того, как погиб мой отец. Все очень странно. Сейчас, глядя в его водянистые глаза, я понимал, что именно он замешан в его смерти.

Моя мать взяла его на работу садовником, а отец, взглянув на его руки, предположил, что парень никогда не держал в руках лопаты. Мне он казался странным, не похожим на других наших работников. Тэо всегда молчал, словно давно проглотил свой язык в придачу со своими ушами. Он разговаривал только с матерью и отцом, который, впрочем, не стремился к общению.

В день, когда отец разбился на машине, я узнал что такое предательство. С тех пор я возненавидел нового садовника, неприязнь к Тэо стала еще глубже, пустила корни, пока не превратилась в ненависть. Я не мог простить мать за то, что она предала отца, но я любил ее. Даже когда она вышла замуж за этого Джанко, я любил ее. Я продолжал ее любить и после того, как она отослала меня в колледж на севере Франции.

Спустя несколько лет я вернулся и не узнал свой проКлятый дом. В нем царил запустение, и бродило темными тенями одиночество, ветви плюща забрались внутрь через разбитые стекла, второй этаж выгорел после пожара, а на первом – смятение, да шепот листьев и одинокий шорох моих шагов.

Мать не отвечала на звонки. Мои друзья, словно были вычеркнуты из истории моей жизни, я не мог свыкнуться с местом, где мне пришлось начать новую жизнь. У меня не было ни работы, ни денег, чтобы снять жилье. Наше поместье находилось за городом, в лесном массиве и поблизости – ни души. Я привел комнату более пригодную для жилья в порядок. Из крана текла ржавая вода с неприятным запахом. Лампочка, мигнув на прощание, сгорела, и мне пришлось отыскать в огромном, некогда богатом доме несколько свечей.

Возможно, сейчас я поступил бы иначе, я посмотрел на Тэо Джанко. В его кривой усмешке читались последние часы моего существования.

– Зачем я нужен тебе, Тэо, – спросил я с издевкой, – ты прибрал к рукам деньги моего отца, да и матери тоже, что ты теперь хочешь от меня?

Тэо молчал, перебирая в руках четки, ухмылялся, делаясь от этого еще неприятнее. Я не боялся его, но мне становилось жутко. Ненависть темной волной поднималась снова, в сплетении моих чувств, Тэо чувствовал это и улыбался своей мерзкой улыбкой. Она шевелилась

на его тонких губах, словно скользкий хвост ящерицы. Мне хотелось плюнуть в него, но вместо этого, я отвернулся к стене.

– Еще не время, Олли, еще не время, – он резко поднялся и пошел прочь из хижины.

Я знал, что нахожусь в лесу. Старый заброшенный дом, дышал плесенью и сыростью. Мне казалось, что за мной наблюдают несколько пар глаз, и эти глаза не принадлежали людям. Мелкая дрожь пробежалась по коже, словно наточенные диски газонокосилки. Я поднялся с кровати и, осмотревшись, двинулся к выходу. Дверь была не заперта и, легко толкнув ее, я выбрался наружу. Темный лес оглушил неестественной тишиной. Мертвые деревья и небо затянутое облаками; иногда луна показывала свой щербатый бок, выходя из-за них, освещая странный лес. Что-то парило в воздухе, похожее на снег, но это не было снегом. С первыми лучами солнца, я понял, что лес выжжен дотла, а в воздухе, словно «ангельская пыль», летает серый пепел. Запах гари пропитал воздух и мою кожу, я шел вперед, пока не оказался на пустынном пляже, загаженном всяким хламом.

Океан устало ударял волнами о прибрежные камни, запах гари сменила вонь от тухлой рыбы и гниющих водорослей. Зажав нос, мне пришлось идти вдоль берега, здесь казалось меньше опасности, чем в хижине, где я оказался. Я не мог вспомнить, как попал сюда, как и последние события, что связали меня с Джанко.

Каждый вечер, зажигая свечи в своем доме, который раньше сиял множеством огней, я спрашивал себя, почему здесь, и что заставляет меня находиться в этом месте. Тогда я не понимал, что необходимо скорее бежать оттуда. Каждый вечер я обещал себе, что с первыми лучами солнца соберусь и убегу из поместья, найду работу, неважно какую, неважно... теперь все было так. Я превращался в параноика. В животное. Я осознавал, что медленно убиваю себя, и не мог понять, почему так привязан к этому дому и не в силах, взять и просто уйти. Я хотел позвонить Рите, но теперь у меня не было на это возможности. Я пытался заполнить пустоту в своей душе мыслями о ней, и мне становилось легче.

Утро прорезало в моем укрытии брешь, лучи солнца, словно щупальцами, прогулялись по лицу. Я открыл глаза и, потянувшись, сел в кровати. Именно в тот день я принял решение, вернуть свою жизнь обратно. Кое-как побрившись, глядя в осколок зеркала, я собрал необходимые вещи, которые уместились в моем небольшом рюкзаке, и направился прочь из этого места.

– Оливер.

Я с опаской оглянулся, но никого не увидел. Сердце бешено заколотилось. Мне не составило труда узнать ее голос, это была моя мать.

– Олли, посмотри на меня! – я поднял глаза и увидел свою мать, стоявшую на крыше. На ней была длинная ночная рубашка. Темные волосы развевались на ветру.

– Мама, что ты там делаешь?!

– Я люблю тебя, Оливер! – крикнула она мне, что-то одевая себе на шею.

Я еще не мог понять, откуда она здесь взялась, мама казалась не в себе, да еще солнце било прямо в глаза. В какой-то момент мимо меня пронеслась черная птица, заставившая отпрянуть назад и, бросив взгляд на крышу, я увидел, как мама прыгает вниз. Разумеется, то, что она поправляла на шее, было петлей, которая при падении затянулась. Мне казалось, я услышал хруст позвонков и сдавленный хрип. Дрожь пронеслась по коже, я отвернулся и, закрыв глаза ладонями, зажмурился. Птица снова захлопала крыльями и, убрав руки от лица, я увидел ее сидевшую на ветке тополя и разглядывающую меня.

С болью я посмотрел туда, где стояла моя мать, и приложил руку к лицу, закрываясь от лучей солнца. Гибель матери оказалась странным и жутким видением. Зажмурившись, я покрутил головой и, открыв глаза, снова увидел пустую крышу. Птица взмахнула крыльями и полетела прочь, я следил за ее полетом, пока она не скрылась за деревьями.

– Прости меня, мой мальчик, – услышал я голос матери, она коснулась моей руки, я обернулся, но никого не увидел, потом, ощутив ее прикосновение на щеке, вздрогнул, оглянулся, вокруг стояла пугающая тишина...

– Олли, – снова позвала она. Я быстрым шагом направился вглубь леса, все еще слыша ее, все еще чувствуя ее прикосновения, которые становились все более невесомыми, пока не исчезли совсем.

2 глава

– Доктор Крисс, вы говорите, что его можно вылечить? – спросила Анна, – что так могло повлиять на него. Почему он внушил себе, что попал в автокатастрофу?

– Лабиринты мозга являются очень странной и не предсказуемой игрой, дорогая. Порой, чтобы убежать от реальности, от стыда или кошмара, произошедшего с тобой в действительности, человек прячется, словно в кокон, от окружающего мира.

– Что же могло с ним произойти?

– Это я и хочу выяснить. Он рассказывает об странных вещах.

– Рассказывает?! Он говорит?!!

– Сбивчиво, но у него вполне связная речь. Он говорил о самоубийстве своей матери и, каком-то, Тэо Джанко. Я думаю, именно, этот человек причастен к обострению болезни Оливера.

– Он так и считает меня своей женой?

– Пока мы не говорили об этом. Я хочу вернуть воспоминания, Анна, сейчас это важно, потому, что я верю в сверхъестественное.

– Почему вы говорите о сверхъестественном?

– Потому что Оливер говорит об этом. Что это за остров, где все выгорело дотла, разве, где-то поблизости есть такой?

– Я не знаю.

– Я был бы очень признателен вам, Анна, если вы поможете мне. Надо найти все свидетельства о семье Филов, я обратился к знакомому детективу, который намеревался помочь мне. Но от вас мне нужно только одно – узнать существует ли этот остров?

Анна долго еще слушала сбивчивый рассказ своего брата Оливера из уст доктора Крисса. И чем дальше он повествовал, тем страшнее ей становилось.

Гибель их матери стала сильным ударом для Анны. После несчастного случая она уехала из поместья, где Тэо Джанко стал полноправным хозяином. Анне стало давно понятно, что нужно этому проходимцу, но он умело заметал следы, ведя двойную игру. Анна видела, как он был нежен с матерью, и в тоже время, ухаживая за горничной, был частым гостем в небольшом флигеле, где располагалась комната Риммы.

Анне исполнилось восемнадцать лет и, затеяв собственное расследование, она не думала о последствиях. Прокравшись по узкой лестнице к комнате Риммы, она услышала их голоса, ее смех, поцелуи, то, как они занимаются любовью. Сначала Анна испытывала отвращение и ненависть к обоим, потом ей стало не хватать этого. Томление и любопытство тащили ее к двери комнаты Риммы снова и снова, звуки поцелуев и тихие голоса, все это возбуждало, и Анне страстно хотелось увидеть, что происходит за дверью комнаты служанки. Когда она видела Тэо, то ненавидела его. Ласки матери, поцелуи матери, что предназначались ему, теперь казались чем-то пошлым. Сначала она жалела мать и хотела рассказать правду о том, чем занимаются служанка и ее муж – любимый Тэо. Потом Анна испугалась, что мать не перенесет этого известия о предательстве. Оливер учился в Европе, и ей не у кого было спросить совета. Она стала плохо спать и, долго ворочаясь в постели, понимала, что думает о тайной страсти, которой владели Тэо и Римма. Анна закрывала глаза и видела, как Тэо ласкает Римму, девушка представляла, как открывает дверь и входит к ним. Ей не страшно, наконец она увидит, то, о чем так сильно просит ее плоть. Анна облизывает пересохшие губы и чувствует, как горят ее щеки. Римма оборачиваясь, улыбается ей и, протягивая руки, манит к себе. Тэо снимает с Анны одежду и впивается губами в ее маленькую грудь. Она чувствует, как страсть захватывает ее, как становится тепло внизу живота, как ноги становятся ватными, а тело податливым. Римма целует ее, запуская свои пальцы в ее волосы, Анна отвечает ей тем же, ощущая, как

горячие пальцы Тэо прикасаются к ней, сжимают ее мягкую кожу. Ей не страшно. Истома мягким покрывалом окутывает ее, Анна все еще улыбается, лаская себя, все еще ощущая сладкий вкус губ Риммы.

Эти сны. Анна стыдилась своих желаний, и каждый раз испытывала чувство вины, встречаясь глазами с матерью. Иногда она опасалась того, что ей все известно, и все тайные желания ее снов перестанут быть известными только ей.

– Тебя словно что-то гложет, – однажды сообщила мать за завтраком. Анна посмотрела на Тэо, потом на Римму, разливающую чай. Их глаза встретились, зеленые Анны и темные карие глаза Риммы. Анна почувствовала тоже, что перед тем, как окунуться в ночной сон. Губы пересохли и, облизав их, девушка, вернулась к завтраку.

– Ты не ответила, – продолжила мать. – Я же вижу, с тобой что-то происходит.

– Мама, есть вещи, которые я не буду обсуждать при Тэо.

– Хорошо, – улыбнулась мать, отпивая чай из чашки, – поговорим позже.

Анна ловила себя на мысли, что ей невыносимо хочется подняться в комнату Риммы, спрятаться в укромном месте и все увидеть собственными глазами. Теперь в ней не осталось места для осуждения и неприязни к Тэо, теперь она хотела, чтобы он сделал с ней все то, что делает с Риммой, когда наступает ночь и свидетелем становится лишь тьма, смотрящая в окна.

Лето подходило к концу, и вскоре Анне предстояло уехать в Англию. Мать определила ее в пансион при университете, в который она должна поступить после окончания колледжа. Размышления об Англии заполнили все уголки мыслей девушки. Она с радостью собиралась, представляя себе новое место, новых друзей, мир, где нет запретов матери, где нет одиночества огромного поместья, и места фантазиям, там нет Риммы и Тэо. Анна закрыла глаза и, вспомнив свои эмоции, ощутила, как краска прилила к щекам. Выглянув в окно, она увидела, как Римма вешает белье и, посмотрев на часы, поняла, что сегодня или никогда, она должна увидеть все своими глазами, ощутить порами танец страсти и плоти, которые были для ее юного разума под запретом.

Снова узкая лестница и множество ступеней. Анна знала, где Римма хранит ключ. Он лежал на подоконнике, под цветочным горшком, именно там она оставляла его для Тэо. Дыхание становилось учащенным, страх и страсть боролись между собой, пока наконец Анна не открыла дверь комнаты Риммы.

Странно, эта комната не была похожа на обитель простой девушки. Богатое убранство скорее говорило о том, что Римма что-то хочет скрыть под маской проститутки, которой всегда казалась. Или хотела казаться. Дверь захлопнулась, Анна посмотрела на ключ, который был у нее в руке. Она не увидела замочной скважины, понимая, что сама не сможет выйти отсюда. Страх и стыд заставили ее покрыться потом, Анна огляделась, в поисках места, где можно было спрятаться, ее сердце колотилось так, словно было готово вырваться из груди. Тишина сковала ее своим покрывалом, словно кандалами, Анна не могла сделать и шагу, чувствуя, что сейчас упадет, уже жалея о своем поступке. Двигаясь по комнате, она отметила, что все здесь выглядит таинственным и в некотором смысле жутким. Драпировка красного цвета венчала ложе – огромную кровать, на которой были богатые простыни и подушки с вышитыми на них непонятными символами. Темные свечи, хранившие запах чего-то сладкого, возбуждающего, пугающие картины с любовными играми, перемешивающимися со сценами насилия и изображением самого дьявола. Анна отступила назад, понимая, что Римма не просто служанка, но зачем ей Тэо? Или для чего Тэо нужна Римма? Анна попыталась вспомнить, когда горничная появилась в их доме и не смогла. Пугающие образы, мягкий ковер под ногами, запах ароматизированных свечей. Анна закрыла глаза и поняла, что уже видела эту комнату, которая тогда не пугала ее. В ней она получала наслаждение, здесь ее никто не отвергал, услаждая все немыслимые фантазии.

Звуки шагов заставили ее вздрогнуть, посмотрев по сторонам, Анна не нашла ничего лучшего, как спрятаться за портьерой, которая отлично скрывала ее от посторонних глаз. В комнату вошла Римма, подозрительно посмотрев под ноги, подняла ключ, который Анна по своей неосторожности выронила из рук. Анну начала бить дрожь, и она никак не могла ее унять. Страх и любопытство, желание и страсть, сплелись воедино в юной душе, успевшей пригубить напиток, что зовется пороком, и что так пьянит разум и чувства. Анна винила себя в своей распушенности, в том, что добром все это не кончится, пока не увидела, как Римма, начала раздеваться. Женщина зажгла свечи и принялась натирать свое красивое, полное тело какой-то ароматной мазью. Анне показалось, что ее кожа начинает светиться, и от действия этой мази Римма стала похожа на волшебную фею. Она почувствовала, как ей хочется выйти и прижаться своим телом к прекрасной груди Риммы, которая была так хороша в своей наготе и была сравнима с богиней, спустившейся с небесных чертогов. Анна чувствовала, как аромат свечей заполняет ее легкие, образы вокруг начинают выглядеть иначе, они дышат, живут, неподвижные, прежде, предметы. Время останавливается, оставив терпкий привкус, похожий, то ли на вино, то ли на кровь, а возможно на звездную пыль.

Анна закрыла глаза, находясь в полудреме, потом услышала голоса, и это привело ее в чувства.

– Как ты думаешь, она ни о чем не догадывается? – спросила Римму мать, опускаясь рядом с ней на кровать, – помоги мне снять это.

– Погоди немного, я приготовила ванну, – улыбнулась Римма, – рано или поздно, Анна все поймет...

– Я заметила, она начала странно вести себя... надеюсь, это не твои проделки?

– Что ты, – Римма коснулась губ матери Анны, – я бы не посмела без твоего согласия.

Анна поморщилась и, вжавшись в стену, почувствовала, что-то за спиной, словно стена состояла из живой плоти. Бежать было некуда, она чувствовал пульсацию, исходящую от стены и, незаметно для себя, успокоилась, возвращаясь к истоке, которая была ей так приятна. Теперь Анна снова улыбалась, видя, как в комнату вошел Тэо. Она понимала, что ее место рядом с ними, ей так не хватало его ласк, она ощущала порами запах страсти, витавший над ложем с шелковыми простынями кровавого цвета. Она смотрела на переплетение тел, видела их лица, которые принимали разные образы, смешиваясь с реальностью – Римма становилась Тэо, ее мать становилась Риммой, их тела становились пластичными и аморфными, словно, перетекая из одного сосуда в другой. Анна чувствовала на своей груди прикосновения пальцев Тэо, губы Риммы и своей матери, которые больше смущали ее, чем были отвратительны. Она видела эти руки, которые вытянулись из стены, к которой она прижалась. Множество рук ласкали ее, расстегивая пуговицы, молнию, разрывая остатки одежды на части. Еще немного, и она чуть не вскрикнула. Сознание помутилось, то ли от аромата свечей или от оргазма, который растекался, словно липкий мед, по коже. Она посмотрела на руки, сжимавшие ее тело, ласкавшие ее в самых потаенных местах, своими длинными пальцами без ногтей. Они напоминали руки тряпичных Кукол, такие мягкие, будто бы набитые поролоном.

– Иди к нам, Анна, – звали ее голоса, она видела, как на ладонях, ласкающих ее рук, появились рты, которые жадно целовали ее дрожащее от волнения тело. Они говорили с ней голосом Тэо и Риммы, голосом матери и голосами многих. Это был зов плоти и крови, которая смешалась на огне, что разгорался в сердце девушки. Она видела, как Римма протянула руку, отодвинув портьеру, в ее глазах горел дьявольский огонь, но это уже не останавливало Анну, ей больше не было страшно. Тэо притянул ее к себе, впиваясь в ее губы, жарко, с животной страстью. Анна тонула в ласках и удовольствии, забыв, кто они, забыв себя, отдав свое тело и душу на пиршество демонам. Сладкий запах. Горячее дыхание Тэо, который склонился над ней, целующиеся мать и Римма, все завертелось в огненной карусели, Анну словно затянуло

в разноцветный обжигающий водоворот, где влечение рождает новую страсть, удовольствие порождает всплеск наслаждения, – все это длится бесконечно...

Утро. Анна медленно открыла глаза, на мгновение забыв ночь, когда она переступила запретную черту. Кровосмешение. Она посмотрела на спящую Скэрри, нет, это не ее мать, теперь она казалась чужой, неприятной, словно окунувшаяся в грязь. Римма лежала в другой стороне, сжимая руками подушку, ее длинные волосы разметались спутанными прядями и, теперь она не была похожа на богиню.

– Теперь ты стала частью нас, – от голоса Тэо она вздрогнула и натянула на голое тело шелковую простыню цвета крови. Мурашки пробежали по спине, Анне хотелось лишь одного – забыть о том, что произошло в эту проклятую ночь.

– Я знаю, – Тэо поманил ее к себе рукой, и Анна, не в силах противиться, приблизилась к нему, – теперь ты отправишься в Англию, где с тобой встретятся мои люди.

– Но, я не...

– Тс-с, – он приложил указательный палец к ее губам, нежно касаясь большим пальцем ее нижней губы, – теперь ты часть нас и будешь служить одному хозяину. Не сопротивляйся, Анна, тебе же было хорошо, ты сама этого хотела, ты всегда этого желала, а глупые предрассудки говорят тебе, что ты совершила что-то дурное.

– Моя мать... я не могу....

– Анна, эта женщина больше не твоя мать, она такая же, как ты, вы все мои жены, ты чувствовала их дыхание, смотри, – он подошел к стене и, отодвинув портьеру, показал Анне на стену. Девушка с ужасом и отвращением увидела на ней десяток застывших фигур, их лица были искажены гримасами безумцев, они были слепы, словно жители подземелья. Их белые тела, точно из извести, все еще двигались, а немыслимые позы были отталкивающими. Анна почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, она опустила глаза и увидела на своих ногах и животе засохшую кровь, царапины и порезы. Опустившись возле кровати, она с ужасом осознала, что произошло с ней, и ей захотелось одного – умереть.

– Я уеду.... открой дверь, мне нужно одеться.

– Не спеши, – Тэо провел пальцами по ее спине, – тебе больше нечего искать, нечего бояться. Твои сестры скоро проснуться, и вы должны вместе встретить это время. Время, когда ты стала принадлежать моему хозяину, – его глаза вспыхнули желтым светом, – не надо бояться, вспомни, что ты чувствовала, – он провел руками по ее бедрам и животу. На какое-то мгновение возбуждение прикоснулось к коже девушки, она вздрогнула, непонимающе смотря на Тэо, который уже не был человеком.

– Кто ты? – спросила она дрожащим голосом, лицо Тэо превратилось в уродливую маску, уши вытянулись, спина выгнулась, за которой появились крылья, покрытые сеткой кровеносных сосудов. Демон притянул к себе Анну, овладевая ей. Страх и наслаждение, боль и ужас заполнили ее, она боролась со своей второй сущностью, желающую еще и еще впустить в себя ненасытного демона. Свечи медленно догорали. Римма и Скэрри спали, они так похожи на мертвецов. Лед и пламя заполнили все ее существо, она чувствовала, что еще немного и сойдет с ума от невероятного блаженства и боли, что проникли в нее, рождая нечто темное и ужасное.

Анна вырвалась из объятий монстра и, опрокинув свечи, подожгла простыни, которые вспыхнули, словно пропитанные керосином.

– Не делай этого! – взревел демон, протягивая к ней свои когтистые руки.

– Господи, я так виновата! – взмолилась Анна, – Помоги мне, прошу тебя!!!

Она не знала ни одной молитвы, но продолжала молиться и призывать Господа. Тэо смеялся, и его смех резал слух, и, казалось, разжигал огонь все сильнее.

Пламя охватило почти всю комнату, Скэрри и Римма кричали в исступлении, огонь плавил их тела, которые стали похожи на воск.

В какой-то момент, Скэрри успела открыть каким-то образом дверь и бросилась вверх по лестнице на крышу. Анна, оставив за спиной пылающее зарево, понеслась вниз по каменным ступеням, слыша крики Тэо и Риммы. Огонь, вырвавшись на свободу, пожирал все вокруг. Анна выбежала на улицу и посмотрела на охваченный пожаром второй этаж. Скэрри стояла на крыше, и клубы дыма укрывали ее обнаженное тело от глаз дочери. Анна чувствовала, как слезы застилают глаза, она видела, что для матери путь к спасению отрезан огнем. Девушка видела, как она соорудила петлю из веревки, что была на крыше для трубочистов, которые чистили каминные трубы, и надела на шею.

– Анна, я люблю тебя! – крикнула Скэрри и прыгнула вниз, повиснув в петле. Ее ноги судорожно дергались, тело извивалось, и Анне казалось, что она слышит хруст позвонков. Она не могла оторвать глаз от мертвой, которая так же, как и она стала частью адского круга. Анна смотрела на нее и думала о Римме, неужели и она жертва, а отец – Тэо его просто убрал со своего пути. Что же происходит здесь, и как жить дальше?

Она не помнила, как пулей залетела в свою комнату, нацепила одежду, выгребла из шкапулки все свои сбережения, заскочила в кабинет отца и, выломав ящик стола, вынула ключ от сейфа. Все происходило так быстро, что потом Анна не будет помнить всех подробностей того утра. Много забылось, она уехала в Англию, где продолжила образование и попыталась забыть эту ночь, полную удовольствия, подаренного темными силами. Иногда Тэо приходил к ней во снах, и от этих кошмаров ее смог избавить только доктор Крисс. Поэтому она обратилась к нему за помощью, когда с ее братом Оливером стали происходить странные вещи.

3 глава

– Ты многое вспомнил, Оливер, – доктор Крисс, похлопал меня по плечу, – я слышал, что ты умеешь говорить.

– Я н-ннезнаю, к-как э-э-эт-то п-пп-полу-чил-л-лось, – выдавил я первые за несколько лет слова и попытался улыбнуться. Слезы стекали по щекам, и впервые за все время я поверил, что доктор Крисс сможет помочь мне.

– Знаешь, когда ты ходишь по своему острову, твоя речь становится обычной нормальной, ты даже не заикаешься. Понимаешь? Ты не парализован, Оливер, и я обязательно помогу тебе со всем справиться.

Он снова ввел меня в гипноз, где я очутился на странном острове. Я сразу понял, что это небольшой остров и его можно обойти за один день. Мне не хотелось возвращаться в хижину, но очень хотелось есть и пить. Я не помнил дороги и двигался по пути, который считал правильным. Черные обугленные стволы деревьев. Пепел, словно снег, ощущение потерянности и тупая боль, которая пульсом отдавалась в висках. Я должен вспомнить. Я все должен понять, как оказался здесь, и какую роль мне отвел Тэо Джанко в своей игре.

Опустившись на выжженную землю, я окунул пальцы в то, что когда-то было травой, а теперь лишь обугленным воспоминанием о ней. Что-то произошло...

Мучительным ветром ворвались воспоминания. Анна. Этого не может быть, она не могла так поступить со мной. Боже, я должен вспомнить...

У меня не было денег, только благодаря везению, мне удалось отправиться в Гарлемдолл, где проживала моя сестра. Мне удалось устроиться на судно рабочим матросом, выполнявшим самую грязную и тяжелую работу. Однако через несколько дней плавания, мы прибыли в Детракс, где на попутной машине, мне удалось попасть в Гарлемдолл.

– Я рада тебя видеть, Оливер, – у Анны был усталый вид, бледность пугала меня, и сначала мне показалось, что она чем-то больна.

– Я не понимаю, что произошло в поместье?

– Ты приезжал туда? – в ее голосе зазвучали нотки озабоченности и какого-то страха.

– Да, Анна. И куда, по-твоему, я должен был вернуться после колледжа?

– Ты прав, Оливер, я обязана была тебе все рассказать.

– Ага, сейчас тебе есть, что мне рассказать?

– Оставь свой сарказм, – она немного помолчала, – в нашем доме произошли странные и ужасные вещи, в которые были втянуты не только мама, но и я.

– Ты?

– Это долгая история, и сейчас у меня нет желания снова пережить это, Олли. Мама покончила с собой, пожар уничтожил почти весь второй этаж, мне пришлось бежать, пока это чудовище не нашло меня.

– Тэо?

– Да, Олли, это не человек, он настоящее воплощение дьявола, мне до сих пор снятся кошмары, и боюсь, что когда-нибудь он вернется, чтобы завершить начатое.

Она рассказала мне все, опуская некоторые подробности, о которых не могла говорить. Иногда краска заливала ее лицо, и я ощущал всем своим естеством, что мои мать и сестра были втянуты в очень темную историю. Какую роль в ней сыграла Римма, мне не было до конца понятно, но видя страдания Анны, я понял, что нам угрожает опасность.

– Мне помогает один священник, Олли, позже я познакомлю тебя с ним. Сейчас стало гораздо легче, но посмотри, во что я превратилась, – она заплакала, и я понял, что вместо двадцатилетней девушки передо мной зрелая женщина лет тридцати пяти. Седые пряди волос, неумело скрытые краской для волос, морщинки, залегшие у глаз. Как я не заметил такой пере-

мены. Я рассказал о том, что жил в нашем доме и чуть не сошел с ума от одиночества и видений. Анна обняла меня и заплакала, ее горячие слезы обжигали не столько мое плечо, сколько душу, вселяя в нее новые тревоги. Теперь мы были связаны этим, и я наконец-то убедился, что не сошел с ума. В доме действительно поселилось зло. Древнее зло, способное управлять, повелевать, властвовать и уничтожать, если все пойдет не по его сценарию.

Мне было значительно легче, однако я очень переживал за сестру. После смерти матери мы остались ни с чем. Тэо Джанко прибрал к рукам все наше состояние, выбросив нас за борт, как ненужный хлам. Мы не хотели участвовать в его играх, и он, наверняка, наблюдал, ждал, когда мы приползем к нему просить о помощи. В те дни я был уверен, что все наладится, и я больше никогда не увижу этого человека. Как я ошибался!

Церковь на окраине Гарлемдолла напоминала небольшую часовню. У святого отца Ганкеля был небольшой приход. Он был человеком средних лет, худощавым и торчащими в разные стороны волосами, тем не менее, взгляд умных карих глаз поражал своей проницательностью. По словам Анны, он давно занимался экзарцизмом, помогая людям избавиться от влияния демонических сил. Темные силы древнего зла безнаказанно пожирали души тех, кто заглянул за грань темного мира, прикоснулся к запретным тайнам древних. Отец Ганкель понравился мне умением выслушивать и вступать в разговор, в тот момент, когда я нуждался в этом. Я понял, что стало причиной гибели матери и ее страсти к Тэо. Она оказалась такой же жертвой, как и Анна.

– Я никогда не верил в подобные вещи, отец Ганкель.

– Пути Господни неисповедимы, сын мой. Порой мы видим зло, одетое в одежды добродетели. Пришло время демонов, которые тащат человечество к пасти гиены огненной, и им очень трудно сопротивляться, почти невозможно, – он опустил глаза, перебирая четки.

– Неужели этот Тэо, или как там его, не оставит нас в покое?

– У зла много имен, однако, если знать имя демона, с которым мы имеем дело, станет гораздо легче избавиться от него.

– Мы сможем убить его? – спросил я.

– Нет, Оливер, – улыбнулся отец Ганкель, – к сожалению, мир устроен так, что свет не может существовать без тьмы. Не в нашей власти нарушать это равновесие. По рассказам Анны, я могу судить, что вы имеете дело с Асмодеем, могущественным демоном. Он правит вожделием, блудом, ревностью и одновременно мстостью. Разрушение и ненависть следуют за ним по пятам, сея повсюду свои семена смерти. Если обратиться к «Молоту ведьм» – его называли князем инкубата и суккубата. Римма, о которой говорила твоя сестра, являлась суккубом, который спровоцировал сначала вашу мать, а потом и твою сестру. Роберт Бертон называл Асмодея, князем четвертого чина демонов: «карателей злодеяний», «злых мстительных дьяволов». Бертон, хоть и был актером, знал толк в том, что говорил. Его так же называют начальником всех игорных домов, а оккультисты относят его к демонам луны. Еще во времена древности, когда не родился спаситель, он был известен персам, которые звали его «Айшмадэв». Они звали его одним из духов, составляющим триаду зла. Я не имею понятия, как эта тварь оказалась в вашем доме. Но считаю, что отец Анны сразу понял, что их садовник совершенно не садовник, и имеет виды на его жену и дочь. Простите, мне очень жаль, что демон проник именно в вашу семью, но что его привлекло и кто. Насколько мне известно, он не разменивается по мелочам.

Я слушал Ганкеля и постепенно проваливался в сон, мои веки закрывались, словно налившись свинцом. Не знаю, как это произошло, но именно с этого дня меня стали преследовать странные вещи. Вне зависимости от своего самочувствия, я начал впадать в кратковременный паралич, что стало началом моей болезни. Это происходило в любое время, в любом месте. Так я остался без работы, и Анна взяла полностью опеку надо мной. В своих снах я

бродил по странному острову. Зеленая роща шептала мне что-то ласковое, я что-то искал там, но никак не мог найти. Лес оживал после пожара, оправляясь от адского пламени.

Это был маленький остров, на котором я был счастлив. В полном одиночестве я находил время на все, что мне было дорого, потом в реальном мире, когда мой разум бодрствовал, я скучал по своему острову. Там не было страхов и боли, мыслей о смерти и обо всем том, что случилось с моей семьей. Я понимал, что еще слишком молод. Слишком молод, чтобы отказываться от прежней жизни, и, в конечном счете, умереть. А в реальной жизни я умирал, приступы становились чаще и длились уже не несколько минут, а около часа. Анне пришлось нанять сиделку, которая не смогла у нас долго находиться. Я помню ее, и то, как она смотрела на меня. По бледным щекам катились слезы, и она не в силах была что-либо сказать. На следующий день она уволилась, и я снова был предоставлен сам себе. Анна надеялась, что со мной ничего не случится, пока она не найдет новую сиделку.

Следующей была Мизуко, симпатичная молодая девушка, которая начала мне нравиться. В ее глазах сначала было столько блеска, она с удовольствием рассказывала, как переехала в Гарлемдолл из Чинэтсу, что на юге японских островов, и как ей нравится учиться на медицинском факультете. Мне нравилась Мизуко и, как я понял позже, тоже нравился ей. Однако после месяца работы, она спешно уволилась, и я не смог ее больше увидеть и очень скучал. Мой остров снова стал моим прибежищем, куда я убегал от своих терзаний и мыслей, где одиночество было приятным спутником. Там я мог общаться сам с собой и ответить на все существующие вопросы.

Я выпросил телефон Мизуко у сестры и как-то вечером позвонил ей. Узнав, что это я, она бросила трубку. Я набрал снова и спросил, почему она так поступает со мной.

– Ты мне нравился, Оливер, а ... ты ..., ты поступил со мной... как со шлюхой!

– О чем ты говоришь? – я не мог понять, что с ней происходит.

– Ты болен, Оливер, я больше не могла выдержать того, что ты делал со мной.

– Но ты нравишься мне, Мизуко, разве я мог обидеть тебя? – мой голос задрожал, я ощутил, как грудь сдавило, словно металлическим обручем, – возможно, я болен, но я не сумасшедший...

– Тот с кем я говорю, может и здоров, но то, что внутри тебя – настоящее зло.

– Что произошло, Мизуко?

– Прости, но я не хочу об этом... – она повесила трубку, и мне стало нестерпимо больно. Я не мог понять, что со мной происходит. Глаза стали тяжелеть, я снова окунался в свой сказочный вымышленный мир, который возможно и существует где-то.

Остров встречает меня тихим дыханием зеленых листьев, здесь не бывает осени, здесь не встает солнце по утрам, тут всегда день и вечное лето. Я медленно иду в лесную глушь, зная, что скоро получу ответы на свои вопросы. Из-за дерева выходит ко мне на встречу мое второе «я». Оливер- два улыбается и машет мне рукой. У него неприятная улыбка и небритые щеки. Взгляд какой-то безумный, странный, блуждающий.

– Ты не привел свою подружку? – улыбнулся он. Я отпрянул, увидев, что его зубы покрыты коричневым налетом и напоминают скорее гнилые зубы мертвеца.

– Кто ты такой? – спрашиваю я и получаю в ответ язвительную усмешку.

– Я – это ты, – он показал на меня пальцем, – а ты – это я, – он снова рассмеялся, его гадкий смех, давил и резал слух, – идем, я тебе покажу, чего так испугалась первая сиделка Бонни, так ее, кажется, звали?

Я киваю в ответ и следую за ним, не замечая, как сумерки, которых еще ни разу не было на моем острове, окрашивают небо в чернильный свет. Хижина, словно построена в незапамятные времена. Старый одноэтажный дом, состоящий из нескольких комнат. На полу разбросана одежда и... человеческие останки.

– Боже, – покачнувшись, я чувствую, как желудок сжимается, а тошнота заставляет выбежать обратно. Но, распахивая дверь, ища выход, я снова забегаю в эту комнату. В комнату полную боли, смерти и ужаса. Они все здесь. Мертвые, расчлененные.

– Жаль, что Мизуко не пришла, – другой Оливер склоняет голову на бок, – ей бы понравилась эта игра. Я закрываю глаза и вижу, как держу Мизуко за руку, как начинаю проваливаться в свой припадок и с жаром рассказываю о девушках, женщинах, которых привозил на свой остров, чтобы жестоко убить, насытившись их плотью. «Это сладкая смерть, когда они еще не понимают, какая им уготована участь, ты не знаешь, кто я, Мизуко, ты должна быть счастлива тем, что я выбрал тебя. Посмотри, как трепещет твое сердце, как по коже пробежал огонь. Я вижу, девочка, что ты страстно желаешь меня, и я помогу тебе в этом...» Я закрываю лицо руками, но не могу проснуться, я бью себя по щекам, а мерзкое чудовище смеется.

– Прекрати! – я кричу, и мой голос срывается до хрипа. – Это всего лишь сон, это просто остров, который я выдумал в своем воображении, а вот кто ты...

– Я – твоя вторая сущность, Олли, – усмехнулся другой, распахивая свои руки для объятий, – иди ко мне братец, их так много: красавиц, уродок, шлюх и девственниц – все они будут принадлежать нам.

Мне плохо, спазмы в выворачивающемся желудке заставляют меня согнуться пополам. Я вижу лица девушек, их отрезанные головы, кровь, что расписала стены этого жуткого аттракциона смерти почерком боли, я чувствую запах гниения и в тоже время пота, страсти, дорогого табака и вина. Все плывет перед глазами, я падаю лицом вниз, рядом с отрезанной головой мертвой девушки. Мне кажется все это сном, который скоро закончится. Неожиданно глаза на отрубленной голове открываются, губы с запекшейся кровью, что-то говорят. Мне уже не страшно, мне уже все равно. Я ощущаю, как сон наваливается на меня.

– Улица Белых слонов, – шепчут губы мертвой, – там мы встретились...

4 глава

Анна боялась звонить в агентство, уже три девушки уволились без объяснения причины. Она не понимала, что такое делает ее брат, казавшийся вполне нормальным, если бы ни потеря сознания и паралич. Ни один врач не мог поставить диагноз, все говорили лишь то, что хотела слышать Анна, и ни один не брался за лечение, пока не появился доктор Крисс. Анна подъехала к дверям клиники и, выпив успокоительного, вышла из машины.

– Скажите доктор, он стал вам хоть что-то рассказывать? – Мне кажется, он сходит с ума. Но видя его взгляд, я понимаю, что он не псих. Боже, я так устала...

– Как вы сами, Анна, я вижу, вы стали выглядеть значительно лучше.

– Слава Всевышнему, после наших сеансов, кошмары перестали меня мучить, но я так переживаю за Оливера.

– Я думаю, Оливеру хорошо у меня. Он никогда вам не говорил об острове?

– Остров? Нет, никогда.

– Понимаете, я вывел такую закономерность, что, когда Оливер находится в забытии, то он отправляется на этот остров. Он рассказывает мне о нем.

– Рассказывает?!

– Да, я же говорил, что дело в психике, когда я ввожу Оливера в гипнотический сон, он совершенно спокойно может говорить.

– Это все сны, я понимаю, – улыбнулась Анна, на что доктор серьезно покачал головой и свел брови.

– Также я говорил с другим Оливером, – доктор Крисс выдержал паузу, посмотрев на удивленную Анну. – Я выяснил кое-что, и это вам не понравится. Бывало, когда Оливер засыпал, другой Оливер выходит на его место. Пока наш Олли гуляет по своему острову, чудовище в его обличии, убивает и жестоко издевается над женщинами, детьми и теперь уже пристрастился к молодым мужчинам. Их трупы разлагаются, мухи заполнили жужжанием весь дом – деревянную хижину, что расположена на острове.

– Я понимаю – это галлюцинации.

– Я не могу сказать того же, Анна, – доктор Крисс взял ее за руку, – вы знаете, что происходит в окрестностях Гарлемдолла? Каждую неделю находят трупы, у которых отрезана голова, руки от предплечья и ступни ног. Полиция давно охотится на этого нелюдя. По описаниям Оливера, его второе я, как раз и есть этот убийца. Именно поэтому я и заинтересовался рассказом вашего брата.

– Но это невозможно, доктор Крисс, – Анна поднялась со стула и подошла к окну. – Как это вообще может произойти?

– Пока не знаю, могу только догадываться. И... у меня к вам маленькая просьба.

– Да, доктор Крисс.

– Я хотел бы видеть вашу вторую служанку, Мизуко, если не ошибаюсь. Я предполагаю, что у них получилась наиболее сильная ментальная связь с Оливером. Анна пожала плечами и сообщила, что не может ничего обещать.

Сумерки. Солнце растеряло краски на безоблачном горизонте, они бледнели и тускло окрашивали наступление тьмы. Мизуко сидела на подоконнике и расчесывала длинные волосы. Она вспоминала Оливера, и ей было грустно жить и понимать, что им никогда не быть вместе. Влюбиться в сумасшедшего. Мизуко вспомнила их последнюю встречу, когда Оливер изменился до неузнаваемости. У него раздвоение личности, предположила девушка и грустно вздохнув, закрыла глаза. «Идем, малышка, твои подружки ждут тебя, – говорил он сладким голосом, в котором фальшивые нотки колотили своими маленькими молоточками в барабанные перепонки. – Я вижу, что ты, хочешь, мы все этого хотим, иди сюда», – он взял ее за руку,

и Мизуко вдруг увидела все то, что чувствовал он. Ее передернуло от ужаса. Остров. Густой лес, тропинка залитая кровью, этой крови становится все больше. Около небольшого домика кровь перемешивается с грязью, и Мизуко слышит, как ноги Оливера хлюпают в этой кровавой жиже. Мизуко не может остановиться, ее сознание медленно всплывает в открытую дверь, где она видит трупы убитых. Зловоние и мухи. «Добро пожаловать в мой мир, Мизуко!» – улыбается Оливер.

Мизуко, выдернув руку из пальцев Оливера, видит, что он снова впал в свой парализованный сон. Слюна с его губ медленно течет по подбородку, Мизуко закрывает рот руками, но не может сдержать рвоту, потом распахивает дверь и бежит вниз, к телефону. Она больше не хочет работать здесь, она не может больше находиться рядом с этим человеком. Боже! Она прижимается спиной к холодной стене, страх коснулся ее кожи, дунал в темные волосы. Мизуко чувствует, что тот, другой Оливер, здесь, и что он появляется именно тогда, когда настоящий Оливер засыпает, отправляясь в свои сны...

Звонок заставил ее подпрыгнуть на месте. Сунув ноги в пушистые тапочки, Мизуко направилась к двери. Странно. К ней пришла Анна, сестра Оливера. Мизуко отошла от двери, не зная, открывать или нет. Страх. Он снова вернулся, как и мысли об Оливере. Анна позвонила снова, и Мизуко открыла дверь.

– Привет, Мизуко, – Анна протянула ей руку, – извини, что без предупреждения, у меня... мне нужна твоя помощь...

– Что-то случилось с Оливером?

– Ведь он нравился тебе?

– Причем тут это. Проходите, – Мизуко закрыла дверь и направилась на кухню.

– Я закурю, ты не против? – Анна вынула из сумки пачку сигарет.

– Конечно. Хотите кофе?

– Это было бы хорошо.

Мизуко открыла банку и, высыпав несколько ложек в кофе-машину, уселась на стуле, обхватив колени руками. Анна оглядела ее скромное жилище и, закулив, решила, сразу перейти к делу.

– Я пойму, если ты откажешься, у тебя есть на это право, но... – она немного помолчала, – только ты можешь помочь мне вернуть брата. Моя семья столкнулась с необъяснимыми силами, которые разрушили жизнь моей матери и отца..., почти, что свели с ума моего брата. В это можно не верить, но только вместе мы можем все это закончить.

– Мисс Фил, это смешно! – Мизуко налила себе кофе. – Даже если я вам поверила, у меня еще сохранился рассудок, и я не хочу играть в эти игры.

– Мизуко, тебе решать, как поступать, но когда человек прикасается к сумраку, когда демон касается его души, очень трудно отступить. Ты можешь поступать, как знаешь, но не забывай, это чудовище ищет сообщника. Не думаю, что ты захочешь стать им.

– Вы правы, мисс Фил, оно хочет..., оно хочет, чтобы я помогла ему. Я стала плохо спать и мне известно, что это не Оливер, я все поняла, когда увидела того, другого Оливера, в этом проклятом доме с мертвыми телами... Мне страшно. Я боюсь даже подумать, чтобы остановить его... Он будет убивать, пока Оливер не придет в себя.

– Мизуко, – Анна потушила сигарету и взяла девушку за руку, – мне стыдно и больно вспоминать о том, что погубило мою мать, она прозрела слишком поздно, когда поняла, что демон хочет добраться и до моей души. Я никогда не забуду эту ночь. Мое любопытство стало неистовым желанием вкушать порок и неизведанное наслаждение. Я не могла спать, есть, не подозревая, что демон уже начал свою игру. Тогда я была глупой девочкой и принесла себя в жертву этому чудовищу! – Анна закурила снова. Мизуко была уверена, что сейчас ее гостя расплачет, но она лишь побледнела, выкуривая сигарету за сигаретой, рассказывая все подробности той роковой ночи.

– Но, мисс Фил, почему демон оставил вас в покое?

– Ты это называешь покоем? – горько усмехнулась Анна. – Я научилась себя контролировать, эмоции открывают двери в наши души, так слугам ада становится легче найти чистые и добрые сердца. Заблуждение, что слуги дьявола ищут порочные души, такие становятся только слугами или пищей, не позволяя насытить до конца демоническое чрево. А вот чистая душа, тем более, девственницы, – она немного помолчала, опустив глаза, – стала настоящим подарком для Асмодея. Прошло время, и я научилась не пускать его в себя, но он рядом, и я чувствую это.

– Даже сейчас?

– Возможно.

– Получается, мы не сможем скрыть свои мысли от него, тогда как мы поможем Оливеру, мисс Фил?

– Я научу тебя, – Анна поднялась из-за стола, – прости, я позвоню, будь осторожна. И не называй меня мисс Фил, для тебя я могу быть просто Анной, мы же почти ровесницы.

– Я постараюсь, – как-то грустно улыбнулась Мизуко.

Когда она проводила Анну, ей стало невыносимо тоскливо, сердце бешено колотилось в груди, панический ужас накрыл с головой.

«Ему обо всем известно, – Мизуко чувствовала, как у нее все похолодело внутри, ей захотелось воздуха, она задыхалась, словно рыба, выброшенная на песок. Распахнув окно, она забралась на подоконник и посмотрела вниз с третьего этажа. Сумерки медленно вползали в комнату, касаясь холодными языками ночных звуков ее ног, пальцев, лица. В какое-то мгновение Мизуко поняла, что все это не на самом деле и ей необходимо взять себя в руки. Она спрыгнула на пол и, захлопнув окно, повернулась к нему спиной.

– Если, ты думаешь, что я боюсь тебя, зря теряешь время! – крикнула она в пустоту и, почувствовала, как страх начал отступать. – Я не подписывала наш договор кровью, поэтому убирайся! – закричала она и, опустившись на стул, закрыла лицо руками. Тело покрылось изморосью, дрожь не покидала еще несколько минут. Мизуко на ватных ногах зашла в ванную комнату, ополоснула лицо холодной водой и включила воду в ванной, решив набрать ее. Она сидела на ее краю и, расчесывая длинные волосы, улыбалась.

– Мой час умереть еще не пришел, – бросила она в пустоту, – поэтому оставь меня в покое! Она осенила себя крестным знаменем и прошептала: «Аминь».

Окраина Гарлемдолла. Мальчик возвращается из школы, пиная в придорожной пыли, маленький камушек. В его беззаботной голове мысли, словно бабочки, порхают с цветка на цветок. Сегодня мама обещала пойти в цирк, и это здорово, он улыбается сам себе, не видя человека, который вышел на безлюдную дорогу. Мальчик пишет сообщение маме: «Я иду домой, скоро буду, у меня пятерка по математике»! Внезапная боль на шее, она жжет, словно ядовитая змея, обхватывая своим телом жертву. Мальчик падает и видит у своего лица пыльные ботинки коричневого цвета. Потом темнота. На его голове грязный мешок, который пахнет тухлым мясом. Незнакомец бьет его, заставляя кричать и молить о пощаде. Мальчик закрывает глаза, не чувствуя больше боли. Он ощущает себя перышком, невесомым и гонимым ветром...

Холодная вода приводит его в чувства. Мальчик видит свои руки, прикованные наручниками к крюку, он чувствует свою беспомощность и слабость перед этим человеком. Незнакомец задумал нехорошее, мальчик читает, что написано на его гнусном лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.